

5 СЕН 1976

СМЕНА
г. Ленинград

ЛЕНИНГРАД — моя родина, Ленинград — это для меня мой дом... И где бы я ни жил, куда бы мне ни приходилось уезжать, я всегда чувствовал себя ленинградцем», — так говорил о своем любимом городе Дмитрий Шостакович, посвятивший ему много вдохновенных творений. Ленинградцы готовятся широко отметить семидесятилетний юбилей своего великого земляка.

Ленинградская организация Союза композиторов РСФСР, с которой Дмитрий Дмитриевич был связан всю творческую жизнь, в сентябре впервые проведет Шостаковичские чтения, — рассказывает музыковед Софья Хентова, автор книг о гениальном композиторе современности. Будет положено начало регулярным собраниям, где музыканты смогут обмениваться мнениями по широкому кругу проблем, связанных с творческим наследием Шостаковича, влиянием его новаторских изысканий на современный музыкальный процесс.

В залах Ленинградской филармонии, носящей ныне имя Шостаковича, готовятся симфонические и камерные концерты из его произведений. Студия «Ленфильм» приступила к созданию документальной ленты о композиторе. В поселке Репино в день рождения Шостаковича — 25 сентября — предполагается открыть мемориальную доску на двадцатом коттедже Дома творчества композиторов, где он плодотворно работал последние пятнадцать лет.

Наш долг перед будущим — написать фундаментальную научную биографию Шостаковича, чтобы она так же полно воссоздавала его жизнь, как известные труды о Моцарте и Бетховене. Дмитрий Дмитриевич был носителем великолепных человеческих качеств, которые достойны подражания. И мы, зная его, обязаны объединенными усилиями создать портрет этого человека, не дать отойти в глубь времен всему, что должно остаться в истории.

— Софья Михайловна, что, по-вашему, сформировало Шостаковича как выдающуюся личность?

— Я много лет занималась исследованием родословной Шостаковича. Его предки были связаны с польским освободительным движением, близко знакомы с семьями Чернышевских и Ульяновых. Природные данные соединились с исключительными семейными истоками. На глазах у петроградского мальчика свершилась великая революция — его детство озарено Октябрем. А посмотрите, с какими людьми свела его жизнь — музыковед Соллертинский, режиссер Мейерхольд, маршал Тухачевский, художник Кустодиев. В Консерватории он учился во времена Глазунова, который считал юного музыканта «новым Моцартом», и вообще он всегда тянулся к выдающимся личностям. Так, когда в Ленинграде проходили поэтические ве-

чера Багрицкого, Шостакович, захваченный его стихами, пришел к нему в гости к «Европейской». А с Бабелем, представьте, он познакомился 14-летним студентом, и писатель проникательно угадал в нем личность необыкновенную. В такой атмосфере сложился этот огромный талант, воспевший в своем творчестве радости и тревоги века.

— Вы много лет лично знали Шостаковича...

— С Дмитрием Дмитриевичем я познакомилась в 1947 году по поручению... «Вечернего Ленинграда». Я была студенткой Консерватории и пи-

ствует. А ему нужно записывать ноты.

— И он писал?

— Писал до последних дней жизни. Хотя мало кому известно, какого мужества требовало от этого человека малейшее физическое усилие. Тут невольно приходят на память слова Ромена Роллана: «Творить — значит убивать смерть».

— Верно ли, что даже самые крупные свои сочинения Шостакович, как правило, писал очень быстро?

— Я бы сказала — залпом.

— Интересно, кто был его любимым писателем?

— Чехов... Он знал на память целые страницы из чеховских книг. В больнице за день или за два до смерти попросил, чтобы ему прочли рассказ «Гусев».

— Среди писем Шостаковича, которые вы мне показывали, есть составленный им список композиторов. Видимо, он не случайно оказался здесь?

— Дмитрий Дмитриевич переписал для меня фамилии всех своих учеников. Однажды, просматривая гранки моей новой книги, он обнаружил, что я перечислила лишь самых известных его воспитанников. И тогда со свойственной ему мягкостью он попросил расширить этот список, а чтобы я кого-нибудь по случайности не забыла, оставил мне вот этот листок.

две квартиры Шостаковича, где он подолгу жил в детстве и юности, — в домах 9 и 16. В кинотеатре «Баррикада», когда он еще назывался «Светлая лента», никому не известный композитор сопровождал игрой на рояле немые фильмы. В таперы он пошел после смерти отца, ведь надо было кормить семью. Во Дворце культуры имени Горького на площади Стачек проходила первая дискуссия об опере «Нос» с участием автора. Кировский, 26/28, — его депутатская приемная. А на Пушкинской, 37, Дмитрий Дмитриевич жил, когда фашисты стояли у стен города. Здесь, в комнате с затененными окнами, он писал симфонию, которая вскоре всему миру стала известна под названием «Ленинградская»... Дочь композитора, Галина Дмитриевна, рассказывала мне, что незадолго до смерти отец попросил провезти его мимо домов, где он когда-то жил. В последнее время я была занята тем, что обзвонила квартиры, так или иначе связанные с Шостаковичем. Меня глубоко тронуло, что теперешние жильцы знают немало интересных деталей, относящихся к периоду, когда здесь жил Шостакович или кто-то из его друзей и знакомых. Ведь понятно, что любая из этих квартир со временем может стать мемориальным музеем.

— А как попал в список адресов стадион имени Ленина?

— Сюда Шостакович приходил поболеть за свой любимый «Зенит». Он настолько любил футбол, как впрочем и хоккей, что однажды устроил у себя дома прием для зенитовцев. А когда его попросили что-нибудь исполнить, он сел за рояль и сыграл отрывок из балета «Золотой век». Там в числе главных действующих лиц — футболисты. Дмитрий Дмитриевич и в последние свои годы знал составы всех футбольных и хоккейных команд высшей лиги.

— Софья Михайловна, вы, наверно, еще не раз будете обращаться к творчеству Шостаковича?

— Сейчас я работаю над документальной трилогией о композиторе. Первая книга — «Молодые годы Шостаковича», охватывающая три десятилетия его жизни, уже вышла в свет. Вечерне готова вторая. А следующая моя работа — книга о Седьмой симфонии.

О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС

МУЗЫКА, ОЗАРЕННАЯ ОКТАБРЕМ

сала я музыкальные темы. Шостакович жил тогда на даче в Комарове. Принял он меня с вежливостью воспитанного человека, но, узнав, что я разбираюсь в музыке, оживился и заговорил более доверительно. Тут же на даче я написала свою статью. У меня и сейчас хранится рукопись с его поправками. Я и не подозревала тогда, что у него поразительная память на лица, имена, фамилии. При новой встрече несколько лет спустя мы виделись только вчера. Потом мне не раз доводилось бывать у Дмитрия Дмитриевича, особенно в период работы над книгой «Молодые годы Шостаковича». Последний раз мы встретились в Репине 17 мая 1975 года. Он вышел прогуляться, но холить ему было трудно, и мы присели на лавочку. День выдался знойный, жара угнетала его. Больной, но не сломленный тяжким недугом, Дмитрий Дмитриевич сетовал на то, что не в состоянии отвечать на письма и кто-то может посчитать его невежливым человеком. Переписку он вел только от руки: личные письма, напечатанные на машинке, были для него свидетельством невосприимчивости их автора. Сказал мне, что учится писать левой рукой, потому что правая совсем не дей-

И почти без помарок. Захваченный новым замыслом, он приходил самый первый в столовую Дома творчества, торопливо ел. Он весь был поглощен музыкой. Однако даже высочайшие взлеты вдохновения не мешали ему быть пунктуальным. По нему можно было проверять часы: ровно в девять он приходил завтракать, ровно в два часа дня — обедать. В лучшие свои репинские дни Дмитрий Дмитриевич писал до 30—35 страниц партитуры. И все же, знаете, никогда не было впечатления, что он слишком уж занят и закрыт для всего мира. Наоборот, он очень тянулся к людям...

— Но, видимо, и сам был отзывчив?

— Не то слово. Он обладал поразительной, магнетической чуткостью. Десятки людей обязаны ему тем, что он поддержал их в трудную минуту.

— Я вижу на вашем рабочем столе рукописи книги «Шостакович в Ленинграде». Этот труд уже завершен?

— Да, только что. Ленинград без всякого преувеличения можно назвать городом Шостаковича. Три его симфонии связаны с образом Ленинграда и происшедшими здесь великими событиями. Когда однажды во время заграничного плавания на теплоходе «Михаил Лермонтов» Дмитрия Дмитриевича спросили, скоро ли он собирается в Ленинград, композитор ответил, что ему в Ленинград собираться не нужно, он там постоянно бывает.

— Много ли вы насчитали в нашем городе адресов, связанных с именем Шостаковича?

— Их около ста. И вот, взгляните, какие разнообразные. Адреса домов, где он жил, открывает Подольская, 2, — здесь родился композитор. Рядом, в Палате мер и весов, работал его отец, сподвижник Менделеева. На Марата (бывшая Николаевская) —